

Место действия: Восточная Сибирь, Иркутская область, район таёжного города Киренска, расположенного на острове между Леной и Киренгой.

Но сначала о Киренске...

Назван он не в честь Керенского. И не рождён от слова «кирять». Древний царь Кир нам тоже до лампочки в этом непридуманном повествовании.

Город возник в давние стойкие времена. Из острога.

Непонятно? Пояснение: в давние стойкие времена, при завоевании Сибири, заложили в междуречье бревенчатую тюрьму — «бежать не моги!». Справа надёжной преградой — Лена, слева — взбалмошная река Киренга, а кругом — тайга до британских морей, с авторитетным даже для преступников Хозяином. (Кстати, психоватая Киренга и передала своё имя городу, потопив предварительно небольшое количество его основателей.)

Заложив острог, целинники подняли его до стропил. А затем заложили пятистенники для тюремщиков, обслуживающих тюремный люд рабочих людишек и всяких прочих сварных родственников, домочадцев и нарождающихся ненароком детишек. Потом, спустя годы и годы, — для жён декабристов, сидящих в тамошней кутузке. Они, эти жёны, достигшие после кончины бессмертия, мало-помалу — при жизни — поднимали невысокий, надо признаться, интеллект местного населения, очень неохочего

до учёбы. Всё бы им, местным, в тайгу — по кедровый орех али на медведя. Ещё рыбу горазды выгребать сетью, перепёлку рукой безоружной сцапать, да и соболика в глаз при-мочить — всё могли, не учась, по призванью. Вот бомонд и французский язык — честное слово — ни то, ни другое им не давалось. И бежали они, местные, от училок — силки ставить, рысь раздевать донага, волку пасть выворачивать. А всё стремление к просвещению скинули на собственного летописца, выкормленного ими за тягу к наукам берёзовой кашей с олениной.

Вот он — единственный — и учился. Учился и превоз-мог. «Бонжур» говорил. И «мерси» говорил. Даже если били его невзначай по морде за эти неприличные слова.

Летописца звали Ким. Не путать с Коммунистическим интернационалом молодёжи или с популярным именем стахановцев и ударников. Ким располагал седой бородой, китайско-русско-якутской внешностью, родословной от Ермака, верительной грамотой от Чингисхана и нержавеющей стилем неведомого происхождения, из химически чистого железа, в ту пору — да и сегодня! — ещё не добыва-емого. Была у Кима утеха — писать летописи. То бишь под-ноготную города Киренска. И писал, благо грамотный.

Мне доводилось читать его летописи, выправленные грациозным пером дворянского происхождения. Ошибок много. Оценки за сочинения явно завышены. Впрочем, я догадывался: поставь ему двойку — и один-разъединствен-ный ученик звезданёт тут же в гнездовище женьшеня и на-карякает там такое, что и через сотни лет Россия не отмоет-ся от его наркотического бреда.

Поэтому ему, летописцу, позволялось училками из Пе-тербурга писать только в классе, за партой. Иначе — кол. Угрозы эти Ким воспринимал по-азиатски. Во французском прононсе слышалось ему: «На кол!» И он из класса не вы-ходил даже по нужде. Поэтому много сотворил летописей.

По ним выходило, что Киренск основан за двести лет до Москвы и по праву первородства наделён мессианским предназначением встать во главе Российского государства до скончания имперских времён.

Обман? Или намёк на сегодняшний день?

Стилист, однако, он был превосходный. Вот примерец из его писаний:

«День вертит солнечный жёрнов к ночи. Ночь извергает небесный огонь на рассвете. И вспыхивают облака зорным заревом. Первые российские облака, нарождённые у восточных границ. Облака, коим нести очищающее пламя на запад, к отстающим в развитии от нового времени градам и весям матушки-Родины. Сапоги там правят бал. А на паркет надо бы валенки».

Так приблизительно писал летописец Ким.

Теперь загадка на сообразительность...

Как Киренск оказался островом? Вот вопрос! Вопрос всех вопросов! Для несведущих! Это известно любому старожилу глубинки, по летописям того же плодовитого автора. Хотя бы уже потому, что об этом случае из биографии Киренска он писал от первого лица. Слова такие... Впрочем, слов его употреблять не буду. Перескажу их, как в сочинении на вольную тему.

Итак...

Когда Ким повышал образовательный уровень у жён декабристов, его не выпускали из класса ни по малой, ни по большой нужде. Не дай Бог убежит в тайгу, башибузук. К женьшеню. Клюкве. Медведю и подругам его росомахам. Он и не бегал. Терпел и малую, и большую. Безденежье лютое доконало! А если посмотреть в корень, то там легко обозначено: у Кима, кроме учения, была специальность! Печник он! Печник! Самой высокой квалификации! По советским временам считался бы ударником производства, на Доске почёта имел бы право висеть, на зависть лодырям и прогульщикам.

Как-то раз получилось, что городской голова предложил ему сложить печь. И где? Не у чёрта на куличках. В собственном доме! Более того — за монеты звонкие, царской чеканки.

Ким и согласился, хотя вынужден был прогуливать занятия. Приработок всё же дороже бесплатной грамоты.

Печь он сложил. Из глины первоклассной. Так как обладал секретом добычи этого строительного материала.

Но тут необходимо подчеркнуть: в ту пору Киренск ещё не слыл островом и не стал посмешищем для деревенской публики. Да, его отлогие берега обегали две реки. Сибирские, естественно. Лена и Киренга. Между них был перешеек. Что позволяло даже в половодье выбираться в тайгу. По кедровый орех. Или на сохатого-рогатого. Белка тоже в хозяйстве пригодится.

Глину Ким добывал в потаённом месте. Где? Секрет производства. Скажем, в пещере Альзам, на речном плёсе. Притом с риском для жизни. Поскользнёшься — и завернёшь вниз головой в своенравную Киренгу. Следовательно, если не убережёшься, то непременно попадёшь на корм рыбам, охочим до бесплатного мяса.

Но Ким был мастак! Не утонул.

Глину добыл, замесил. Печь поставил.

Деньги захотел получить.

Городской голова сказал ему в день зарплаты: «А шёл бы ты! К репрессированным декабристам!»

Ким догадался: денег не будет никогда, потому что никогда их не будет. И ответил русскими словами — без «бонжура» и «мерси»: «Ты мне это припомнишь! И дети твои! И дети детей твоих! И все прочие потомки!»

И пошёл. Но не за парту. А к Киренге, туда, где выковыривал глину для печи. И там, на том примечательном месте, подвернул сапёрной лопаткой слабый на умишко грунт. И Киренга — не сразу, доложим, а спустя несколько трудоёмких лет — тоже подвернула, вернее, вывернула дугой своё русло. И потекла, бурля негодованием, в обход Киренска. На встречу с полноводной подружкой Леной. Обхватила город объятием небывалой силы, окружила, как Паулюса в Сталинграде, — и капут!

Вот и вся история. Вот вам и весь остров, невзначай возникший на территории Киренска. Вот вам и весь Ким. Грамотным был. А выучили его жёны декабристов. На свою голову выучили. В результате он под их мужей-декабристов и взбунтовался, заодно взбаламутил всю Киренгу.